
© Т.Ф. ГУСАКОВА

t_gus@mail.ru

УДК 130

УДОВОЛЬСТВИЕ И НАСЛАЖДЕНИЕ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Цель предлагаемой работы — эксплицировать различия между двумя близкими по смыслу, но нетождественными концептами «удовольствие» и «наслаждение». Без анализа содержания данных концептов невозможно адекватное описание культуры. Проблематизация удовольствия/наслаждения весьма актуальна в экзистенциальной перспективе. В статье анализируются имеющиеся исторические и культурные представления о данных феноменах, способы их рефлексии. Понимая, что предмет изучения — весьма «тонкая материя», автор все же пытается проникнуть в сущность исследуемых феноменов.

SUMMARY. The aim of the represented work is to explicit the differences between two close in meaning but nonidentity concepts of “pleasure” and “delight”. The adequate description of the culture is not feasible without analyzing the content of these concepts. The problem of pleasure/delight is topical in existential perspective as well. Available historical and cultural conceptions of these phenomena, methods of their reflection are analyzed in the article. Having realized that the study object is a rather “subtle matter”, the author still makes attempts to penetrate in the essence of the phenomena under consideration.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Удовольствие, наслаждение, сравнение, отличия, первичное состояние, мета-состояние.

KEY WORDS. Pleasure, delight, comparison, difference, initial state, metastate.

Удовольствие и наслаждение — феномены, без изучения которых не может быть понят человек и его экзистенциальный опыт. Анализ сложившихся представлений о них в определенном социально-культурном контексте характеризует само общество, проливает свет на своеобразие культуры. Язык удовольствия/наслаждения многое может дать человеку для описания специфики своего присутствия в мире. Удовольствие и боль даны каждому как первоопыт, поэтому имеют объединяющий все живые существа характер. Наслаждение — бесценный стимул человеческого существования, венец желаний человека, источник и награда его творческих усилий, глубочайшая радость бытия. Все, что есть в жизни человека красочного, увлекательного, острого; все, что в ней манит и очаровывает; все, что полно истомы, загадки и муки, — все это тесно связано с наслаждением.

Как удовольствие и наслаждение могут быть отрефлексированы, описаны, осмыслены?

В обыденной речи слова *удовольствие* и *наслаждение* сближаются в своих употреблениях и нередко отождествляются. Во многих контекстах они дей-

ствительно взаимозаменяемы и выступают как синонимы. В философском дискурсе оба слова нередко встречаются с пейоративным оттенком. Так, Р. Барт находил, что слово «удовольствие» «звучит плохо — в нем слышится нечто легкомысленное, низменное, неполноценное» [1; 381]. Сам автор «Удовольствия от текста» активно вводил это словечко в свои тексты и был готов принять ответственность за определенный гедонизм. Аналогична судьба слова *наслаждение*. Еще у Цицерона оно вызывало неодобрение, подозрение, представлялось неприличным. Анализируя концепцию наслаждения Эпикура, Цицерон отмечает, что «под наслаждением он понимает воспринимаемое вкусом или слухом, присоединяя к этому и кое-что еще, что можно назвать вслух, только предварительно попросив извинения» [2; 87].

В научной и философской литературе можно выделить четыре позиции по вопросу о соотношении концептов «удовольствие» и «наслаждение». Первая, наиболее распространенная: наслаждение понимается как высшая, превосходная степень удовольствия [3; 380], как большое удовольствие [4; 101], как пик удовольствия, его апогей [5; 125]. «Не является ли удовольствие лишь приглушенным наслаждением, а наслаждение, напротив, — крайней степенью удовольствия?», — задавался вопросом Р. Барт [6; 476-477]. Различия между концептами «удовольствие» и «наслаждение» в данном случае рассматриваются как *градуальные*. Состояние наслаждения отличается от состояния удовольствия по параметру интенсивности: *наслаждаться* интенсивнее, чем *испытывать удовольствие*. Наслаждение, понимаемое как сверхинтенсивное удовольствие, является одним из основных концептов постмодернистской философии. Р. Барт в своей «гедонистической теории текста» фиксирует «миг, когда языковое удовольствие начинает задыхаться от собственного преизбытка и изливается наслаждением» [6; 466]. Другой французский философ, Жак Лакан, под наслаждением понимает такое удовольствие, которое перешло меру (оно избыточно!). Понятие избыточного наслаждения (*surplus-enjoyment*) Жак Лакан разработал на основании марксистского понятия прибавочной стоимости (*surplus-value*). Славой Жижек, интерпретируя идеи основателя парижской школы фрейдизма, пишет: «Именно этот парадокс определяет и избыточное наслаждение: это не просто прибавка, которая присовокупляется к некоему «нормальному», основному наслаждению, напротив, *наслаждение как таковое и возникает из этой избыточности*, поскольку наслаждение и конституировано как некий «эксцесс». Отказавшись от избытка, мы теряем и само наслаждение...» [7; 166].

Другая точка зрения представлена психологом Бюлером. «Наслаждение, пишет К. Бюлер, — в строгом смысле слова представляет собой не более чем конечное состояние удовольствия ...» [8; 149]. Однако наш язык, сетует австро-американский психолог, ошибочно называет *наслаждением* весь процесс в целом. Трудно понять, что имел в виду Бюлер под «конечным состоянием», то ли «кульминацию» удовольствия, то ли просто его «завершающую стадию». Совершенно очевидно, что далеко не всякое конечное состояние удовольствия является наслаждением.

Попытка найти наряду с количественными также и *качественные* различия между удовольствием и наслаждением, установить у каждого из этих концептов собственные, противопоставленные друг другу сферы — суть третьей позиции, которую так впечатляюще продемонстрировал тот же Р. Барт в терминах

«текст-удовольствие/текст-наслаждение». «Ведь заявляя, — пишет он, — будто между удовольствием и наслаждением существует лишь количественная разница, я тем самым утверждаю мирно-безмятежный характер истории: текст-наслаждение оказывается ни чем иным, как логическим, органическим, историческим продолжением текста-удовольствия, а авангард — не более чем прогрессивным, эмансипированным развитием предшествующей культуры: получается, что настоящее вырастает из прошлого, что Роб-Грийе уже таится во Флобере, Соллерс — в Рабле, а весь Николя де Сталь в двух кв. см полотна Сезанна. Если же, однако, я рассматриваю удовольствие и наслаждение как параллельные, не могущие пересечься силы, между которыми существует не столько отношение противоборства, сколько отношение взаимной несообщаемости, то в этом случае я должен признать, что история, наша история, не только не безмятежна, но, возможно, даже и не благоразумна, что текст-наслаждение всегда возникает в ней как своего рода скандал (осечка), как продукт разрыва с прошлым, как утверждение чего-то нового (а не как расцвет старого)» [6; 477]. По мысли Барта, удовольствие связано с устойчивостью субъекта, который опирается на ценности комфорта, удобства. «Текст-удовольствие — это текст, приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка, вызывающий эйфорию; он идет от культуры, не порывает с нею и связан с практикой *комфортабельного* чтения» [6; 471]. Для самого Барта удовольствие ассоциируется с чтением классических текстов. Удовольствие от великих повествовательных произведений возникает в результате чередования читаемых и пропускаемых кусков: неуято и вправду кто-нибудь когда-нибудь читал Пруста, Бальзака, «Войну и мир» подряд, слово за словом? Удовольствие от текста несводимо к его грамматическому функционированию, подобно тому, как телесное удовольствие несводимо к физиологическим отправлениям организма. Наслаждение, напротив, — это система чтения неклассических, авангардных текстов, когда субъект теряет, испытывает опыт утраты своего «я». Текст-наслаждение, не связанный с кодом правдоподобия, и в некотором отношении неудобочитаемый, должен встряхнуть нас. Он всегда своего рода скандал (осечка), продукт разрыва с прошлым, утверждение чего-то нового (а не расцвет старого). Текст-наслаждение вызывает чувство потерянности, дискомфорта (порой доходящее до тоскливости); он расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком.

Вслед за Лаканом, Р. Барт отстаивает тезис о невозможности высказать наслаждение («наслаждение всегда не сказуемо»). Если оно и может быть сказано, то разве что между строк. Неизъяснимое, неопишное, непередаваемое наслаждение является, тем не менее, ядром нашего существования, основанием нашей идентичности и, более того, предметом потребления. Удовольствие же поддается описанию, поскольку интенсивность его невелика. Оно *отчасти* контролируемо, субъект удовольствия способен в определенной мере наблюдать за собой и процессом, но осуществлять полный контроль над удовольствием — не в его власти. От человека с повышенным самоконтролем удовольствие ускользает. Удовольствие сопровождается снижением самосознания, тогда как обратная реакция — боль — приводит к повышению самосознания. Наслаждение же совершенно неконтролируемо, оно лавинообразно, обвально. Наслаж-

дение может быть *экстатическим* как состояние восторга, восхищения, самозабвения, утраты самосознания, поглощенности объектом, отрешенности от времени и места. Естественно, наслаждающийся человек не может вести репортаж об ощущениях, в которые он погружен. Если для получения удовольствия достаточно лишь соответствия внешнего объекта нашему внутреннему желанию [9; 57], — сущность удовольствия состоит в непосредственной гармонии между внутренним состоянием человека и внешней ситуацией, — то наслаждение имеет более сложную природу.

Качественное различие между удовольствием и наслаждением определяется их отношением к новизне. Наслаждение необходимо связано с новизной: только новое способно поразить, потрясти наше сознание. Если удовольствие можно получить от чего-нибудь привычного, знакомого, стереотипного, (удовольствие вообще ассоциируется с *нормальным* течением жизни), то наслаждение — *экстраординарное* явление. Наслаждение — это удовольствие, случившееся *сверх ожидания*. Оно перекрывает, превосходит те вероятностные эспектации, которые были у субъекта: «наслаждение — это не то, что *отвечает* (удовлетворяет) желанию, а то, что захватывает его врасплох, перехлестывает, сбивает с толку, увлекает своим течением» [10; 82].

В оппозиции «высокого/низкого», «небесного/земного», «души/тела», которая существует в христианской культуре, *удовольствие* относится к «низкому», земному, телесному. Наслаждение, в отличие от удовольствия, может «обитать» в «высоком», духовном мире. Таково, например, эстетическое наслаждение. Широко распространен ошибочный взгляд, согласно которому эстетическое наслаждение по своей природе ничем практически не отличается от других видов удовольствий. Еще эпикуреец Филодем считал, что воздействие музыки на душу человека подобно воздействию кулинарного искусства. Можно встретить утверждение, что П.И. Чайковский сравнивал наслаждение от музыки с ощущениями человека, сидящего в теплой ванне. На самом деле Чайковский настаивал на том, что эстетическое наслаждение — это не *физиологическое* явление. Он протестовал также против сравнения музыки с опьянением. Вино дает забвение горя и тоски, иллюзию счастья. Для Чайковского, осмыслявшего природу музыки и музыкального наслаждения, музыка — это *откровение*: она просветляет и радует. «Музыкальное наслаждение ничего общего с опьянением не имеет» [11; 65].

Эстетическое наслаждение отличается от всех других наслаждений тем, что оно вызывается эстетическим объектом. А эстетический объект — это ценность, содержащая реальность. Восприятие эстетического объекта означает приобщение к ценности, то есть к значимому самому по себе. Значимость произведения искусства не основана на отношении к нашему удовольствию. Оно автономно значимо, независимо от нашей реакции, что не исключает, конечно, его способности радовать нас. Различие между восприятием эстетического объекта (ценностью) и субъективным удовольствием от приятного объекта — сущностное, а не степенное. Наслаждение, испытанное от Второго фортепианного концерта С. Рахманинова, иной природы, нежели удовольствие от бифштекса. В эстетическом наслаждении человек прорывает узкие границы собственного «я» и следует значимому самому по себе. Эстетическое наслаждение — ситуация метаморфозы воспринимающего субъекта из обычного со-

стояния в экстатическое, тогда как стремление к субъективному удовольствию не выводит за границы «я», в нем нет следования объективно значимому, нет благоговейного трепета перед тем, что выше нас. Прекрасное глубоко трогает нас, наполняет нас радостью и восхищением. Возволнованность, которую мы переживаем, созерцая эстетический объект, объясняется сопричастностью красоте. Экстаз, аффектация, упоение — неперенные атрибуты эстетического наслаждения. Человек, испытывающий эстетическое наслаждение, находится в состоянии плененности, захваченности объектом, теряет представление о времени. В обнаружении эстетической ценности радость и наслаждение играют незаменимую роль. Мы не можем узнать и почувствовать эстетическую ценность другим способом. Эстетическое наслаждение интерсубъективно, общезначимо, возникает во внутренних мирах разных людей, выходит за границы индивидуального сознания (дано не только мне). Подобно тому, как эстетическая оценка относится к категории сублимированных (она возвышается над сенсорными оценками), так и эстетическое наслаждение возвышается над физиологическим или чувственным наслаждением. Великое искусство не является непосредственным чувственным удовольствием. Иначе оно, как тонко заметила Сьюзен Лангер, подобно печеню или коктейлям льстило бы как необразованному, так и культивированному вкусу.

Другая важная сфера — нуминозный опыт человека. Идея духовного наслаждения выдвигалась теоретиками исихастского направления (Григорий Синаит, Григорий Палама, Николай Кавасила). Наслаждение души, происходящее от Бога и от божественных вещей, является чистым, бесстрастным и не смешанным с печалью. Само это наслаждение свидетельствовало о сошествии в душу человека божественной благодати. Удивительным образом оно преобразовало и совершенствовало человека в нравственно-духовном отношении, оставляло неизгладимый след в его внутреннем мире. Получение удовольствий подобного воздействия на человека оказать не может. И это, на наш взгляд, существенное обстоятельство, дифференцирующее анализируемые феномены.

Существует еще один подход к пониманию феноменов удовольствия и наслаждения, кардинально отличающийся от вышеназванных. Он принадлежит американскому психологу Майклу Холлу. По мнению Холла, удовольствие — это первичное состояние ума и тела. Удовольствия имеют сенсорную природу и возникают преимущественно на сенсорном уровне. Удовольствия относятся к впечатлениям, которые черпаются из окружающего мира. Так, например, мы получаем удовольствие от запахов, вкусов, видов, звуков, прикосновений, а наслаждение является метасостоянием. Под первичным М. Холл понимает «состояние психофизической включенности в какое-то событие или деятельность во внешнем мире» [12; 473], а под метасостоянием — «ментальное или эмоциональное состояние осознания другого состояния» [12; 471]. «Когда наше сознание обращается к некоему референту за пределами самого себя (к человеку, событию, предмету), — пишет М. Холл, — мы имеем дело с первичным состоянием. Когда наши мысли и чувства обращаются в качестве референта к нашим мыслям/чувствам, речь идет о метасостоянии» [12; 4]. Американский ученый считает наслаждение феноменом более высокого уровня не только потому, что оно предполагает сознание (разум), но и потому, что наслаждение опосредовано системой личностных ценностей, верований, убеждений, понима-

ний. Для того чтобы насладиться, требуется осознание переживаемого состояния, некий контроль над удовольствием. Мы все обладаем, замечает М. Холл, схожими сенсорными рецепторами и, соответственно, можем получать удовольствие от одних и тех же вещей, но когда мы переходим к мета-состоянию наслаждения, различия между нами становятся разительными. Американский психолог полагает, что наслаждение, красота и счастье находятся «в глазах» их владельца. Известный афоризм гласит: «Красота существует в глазах смотрящего» (*Beauty is in the eye of the beholder*). Что значит «в глазах»? В системе оценок, в системе убеждений и пониманий смотрящего. Подобно этому и наслаждение зависит от тех значений, которые мы приписываем вещам, от наших оценок, от нашей семантики.

И, наконец, есть еще одна позиция, согласно которой удовольствие и наслаждение выступают в качестве антагонистов и противопоставляются друг другу. Оставляя в стороне психоаналитическое проникновение в природу мазохистских влечений, которое привело к шокирующему открытию о связи наслаждения с болью, страданием и унижением, отметим, что действительно есть модусы наслаждения, связанные с болью, *неудовольствием*. Для Ж. Лакана наслаждение конституируется как некий «экссесс», оно перешло меру и поэтому причиняет страдание и боль, в определенном смысле оно даже невыносимо и травматично. Именно в этом смысле А. Камю использует выражение «ожог нестерпимого наслаждения» [13; 123]. Парадоксально, но наслаждение действительно может стать непереносимым, вызывающим неудовольствие. Психолог А. Маслоу как-то заметил, не без иронии, что мы не смогли бы выдержать сексуальный оргазм часовой продолжительности [5; 45].

Амбивалентность наслаждения получила осмысление еще в античности. Лукреций в поэме «О природе вещей» пронизательно заметил, что «из самых глубин наслаждений исходит при этом горькое что-то». Развитие этой мысли мы находим у М.Монтеня в тезисе о невозможности беспримесного наслаждения. Примечательно, что и Лейбниц, сформулировавший закон наслаждения, настаивал на необходимости определенного диссонанса в приятном.

В качестве некоторого итога мы хотим подчеркнуть следующее. Анализ философских текстов, касающихся концептов «удовольствия» и «наслаждения», дает возможность выявить и полнее раскрыть их содержание. Проведенный анализ показал, что при всей смысловой близости и некоторой области пересечения этих двух концептов, они утрачивают полную взаимозаменяемость и различаются по ряду признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. От науки к литературе // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. Универсал, 1994. 616 с.
2. Цицерон М.Т. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 474 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС 21 век; Мир и образование, 2003. 896 с.
4. Зализняк А.А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. №1. С. 85-105.
5. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 425 с.

6. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. Универсал, 1994. 616 с.
7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 235 с.
8. Бюлер К. Реакция удовольствия и неудовольствия. Наслаждение, игра, творчество // Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 496 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет. В 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1973. 630 с.
10. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ad Marginem / Сталкер, 2002. 288 с.
11. Чайковский П.И. О Музыка, о жизни, о себе. Л.: Музыка, 1976. 271 с.
12. Холл М. Моделирование совершенной личности. Редактирование судьбы. М.: АСТ: Астрель, 2007. 490 с.
13. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.